

Р33644

Петрусь Бровка

БЕЛАРУСЬ

стихи

советский писатель 1943

Петрусь Бровка

БЕЛАРУСЬ

Тизы

33644.

советский писатель

Москва

1945

Редактор *С. Обрядович*

Худ. *И. Николаевич*

Л1006. Подготовлено к печати 21 XI 1944 г. Пер. № 14. Алт.
л. 2,89. Ум. чед. л. 3,14. Тираж 10000. Заказ 1460.

Цена 3 руб. 75 коп. В переплете 5 р.

Тип. „Красный печатник“, Москва, ул. 26 Октября, дом 6.

КАСУСЬ КАЛИНОВСКИЙ

В земле белорусской
По селам летят отголоски:
«Кастусь Калиновский.
Явился Кастусь Калиновский».

Никто не ответит,
За что он так прозван в народе, —
За то ли.
Что в свитке простой домотканной он ходит,
А москэт, за то,
Что глаза у него голубые,
Что знает окрест
Все тропы, пути потайные!
За мужество сердца,
За меткую верность удара,
За то, что, неожиданный,
В ночи, как народная кара,
Он к немцам является
В зареве грозном пожара.

Поблуда враги
Наряжают солдат для погони, —
К далекому Неману
Мчат Калиновского кони.
Пусть рыщут, пусть ищут
Его по-над берегом Гайны —

Хранит Беловежская пуша
Друзей Калиновского тайны.
И снова на немцев
С друзьями Кастусь налетает,
И снова горячую саблю
Травкою родной вытирает!
Везде в Белоруссии
Слышит он голос 'отцовский':
«Ты метитель геройский,
Ты, сын мой, — Кастусь Калиновский!»

— Кто знает, откуда
Взялось это имя у сына?
Быть может, что прежде
Он попросту звался — Калина,
Что волосом рус он,
Как лен серебристо-туманный,
Что ходит он в свитке
Просторной своей домотканной.

На это ответим
Друзьям-землякам мы по-свойски:
Кто б ни был,
Он сердцем и духом Кастусь Калиновский!

Он видит, он слышит,
Как в селах свирепствует ирод,
И в бою зовут его
Слезы кровавые сирот.
И если у Буга
С протянутой саблей он встанет —
Врага по-над Припятью дальней
Достанет.

Когда же услышит
Он звон отдаленный кандалный,

Когда же узнает
Об участи братьев печальной —
Где б ни был он, —
В Минске, в другом ли каком-нибудь месте, —
Он пулей догонит
Врага в Белостоке и Бресте.

Дымясь за деревней,
Костер догорает заката,
И памятна хата,
Где вечер встречают девчата.
И плачут они,
И поют Калиновскому славу,
И братом его
Величают по кровному праву.
На все перекрестки
Несут о нем вести березки:
Живет в Белоруссии
Смелый Кастусь Калиновский!
Как вихрь неумный,
Он силы души непреклонной.
Недавно в колхозе
Он тракторной правил колонной,
С подругами детства
Водил по весне хороводы,
Не испугался
Ветной прозы-пепелы!

В родные леса
Он ушел с партизанами вместе.
По всей Белорусии
Ветер разносит о нем вести!

Любимая ждет его
Ночью весенней у тына,

А звезды звенят:

«Не горюй, возвратится Калина!»

И травы ей шепчут,

Качая прозрачные блестяшки:

«Жди, скоро придет

И обнимет тебя Калиновский!»

Он явится в свитке просторной своей

Нараспашку.

Девчата собрали

Ему васильков на рубашку,

А скорбные матери,

Помня о радостных веснах,

До сумерек поздних

Ткут пояс узорный на кроснах.

Его ожидают

Ручьи, родники ледяные,

И сосны в бору

Подымают смычки смоляные,

Чтоб вместе с ветрами

Ударить по струнам днепровским:

В родную деревню

С победой пришел Калиновский!

МОГИЛА БОЙЦА

У берега Сожа, за старою хатой,
Курган невысокий — могила солдата,
Березовым золотом звонким укрытый,
Лежит в ней герой-пехотинец убитый.

Луга и дубравы над Сожем слышали,
Как пули немецкие злобно жужжали:
Он бился геройски, да выпала поля
Родное собою прикрыть ему поле.

Тревожные волны о берег плескались,
Друзья торопливо могилу копали;
На дно положили,
Рутой прикрыли,
Прикрыли героя пахучею мятой,
Чтоб снилась вовек ему отчая хата.

Полнеба в огне, лезут черные силы,
С боями друзья покидали могилу.
С боями за Сож отходить довелось им,
И пала, накрыв его, черная осень.

Дожди бушевали, шумела осока.
Стоял за туманом курган одиноко.
По Сожу тоскливые волны ходили.
По доле солдатской они голосили.

А за лесами ранней зимою
Бои прохотали под самой Москвою.

Однажды с вечерней зарею-зорянкой
Пришла на могилу сестра-партизанка:
Под шелест березы
Посеяла слезы.
А глянул на слезы
Месяц белёсый,
Простилась и скрылась она за березой.

Шумели над Сожем столетние ели.
Трещали морозы, кружили метели;
Весна подошла, да с водой ледяною,
И желтый песок не оделся травой,
А если трава и всходила — то вяла,
Тяжелая туча на солнце стояла.

Тревожно шумели
Угрюмые ели,
Над сирой могилою гуси летели, —
Кричали тоскливо,
Летели высоко;
Курган сиротливый
Стоял одиноко.

Но память о друге
Завеют ли вьюги
И смоют ли воды
Грозные годы!

Хоть тысячи верст бойцы исходили,
Но дружи-героя они не забыли, —
Запал им в сердце глубоко-глубоко
У берега Сожа курган невысокий;

И каждый из них в ту годину лихую
Пожался пробиться в сторонку родную.

Чем ближе с боями они подходили,
Тем солнца лучи им все жарче светили,
А на могиле
Тень ходили.

Сентябрь отгремел — и бойцам довелось
Увидеть над Сожем победную осень.
Дороги как золотом озолотило,
И встретила вновь их родная могила.

Походные каски, склоняясь, они свали,
Плескались волны у переправы.
И чудо:

Одели зеленые травы
Курган, и цветы на нем алые встали.
Сверкали, как слезы,
Медвяные росы,
И листья не вяли на раннем морозе.

Бойцы оглянулись, и всех удивило:
Откуда взялась чудесная сила?
И знал лишь герой,
Что сестра здесь рыдала,
Что ночью не слезы — цветы засевала.

1943

МИНСК

Над пеплом пожарищ обугленный сад.
Семь трупов на сучьях висят у вершины.
Мне снимка
Расправы неслыханной, кат,
Видать, не забыть никогда, до кончины.

Как призраки, трубы печные стоят,
И тучи над трубами
Стелются низко.
Как больно припомнить, что это твоя
Любимая улица города Минска.
Как больно:
Товарищей мертвых не счесть.
На улице этой встречали мы радость,
Давно ли не раз проходили мы здесь
И в майские дни,
И в дни листопада.

Знамена взлетали над головой,
А песни и шутки!
А шум спозаранок!..
Мне памятен город веселый, живой,
Теперь он чернеет
В руинах и ранах.
Над Свислочью тихой я шел по мостам.
Весеннее утро сияло я пело,

Оглянешься с берега — яблони там
По всей Серебрянке как в кипени белой.

Их цвет собирал я для новых стихов —
И свежестью веет от слова и лада.
Иду я под трели трамвайных звонков
До Ленинской площади,
Дома Ураду¹.

Здесь камень за камнем каменщик клал, —
Росла белорусская наша столица.
Все краше вокруг за кварталом квартал.
Я вижу их, только смежаю ресницы.
Я с городом
Жизнью одною живу,
Горжусь его ростом неудержимым...
Советская улица...
Шлях на Москву...
Стой, память!
Окутанный пылью и дымом,
Не тот ли с боями исхоженный шлях
Теперь предо мною
На выжженном поле,
И снимок, что трудно держать мне в руках.
И мечь, что сжимает мне сердце по боли?
Я выпшел из Милоска,
Над городом дым..
Казалось, и город и сам ты сгораешь,
И, черные пальцы ломая, салы
В лицо мне кричали:
«Зачем нас бросаешь?»
Что было мне делать?
До этой поры

¹ Дом правительства.

Не видел, чтоб пламя до неба вставало,
Пылали на улицах гневом костры —
То Коласа книги и Янки Купалы.
Ушел я бездольный
С солдатами в бой
По топям, лесам,
По мостам и трясинам...
Не взял ничего я в дорогу с собой,
Лишь снял со стены фотокарточку сына.
Но разве забуду
Я пройденный шлях
И город с простертыми в дыме руками,
Тебя, обгаренная кровью земля,
Что облил я в час расставанья слезами?
Мы шли,
Не жалея натруженных ног.
К расплате зовут нас и сердце и разум.
У этих разбитых войною дорог
На несколько лет постарели мы сразу.
И нет нам покоя.
Не в радость мне сон —
Мне снится мой город:
Он в горе великом, —
Там черные пятна ослепших окон,
Там площадь, распятая стоном и криком.
Но знаю
И верю, все ближе тот день,
Когда соберемся мы в городе милом!
Воздвигнем леса мы у взорванных стен,
Цветами украсим родные могилы.
Я знаю и верю: тот час недалек!
Желанною вестью встревожено сердце.
Ты снова восстанешь — широк и высок —
Из непла над черной пустынею смерти!

НАДЯ-НАДЕЙКА

Плачет в лесу сиротливо жалейка:
«Стихла ты,
Смолокла, Надя-Надейка!»

Кто ж это думал,
Как довелось:
Очи закрыла хмурая осень,
Выщвели косы,
Щеки запали,
Руки завяли.

«Надя-Надейка, —
Плачет жалейка, —
Больше рукам твоим
Жита не жать,
Жита не жать,
Онопов не вязать!»

Пяпую ночь на березе у хаты
Низко висит она в петле проклятой.
Горюшко-горе сердце сковало.
«Что ж ты, березынька, не отстояла?»

Желтые листья, горькие слезы
Падают, сыплются наземь с березы:
«Добрые люди, меня не вините,
Лучше под корень березу спилите».

Буйные ветры, лютые бури,
По лесу бродит парень понурый.

«Хлопче-молодче, смутные очи,
Срежь меня, белую, темною ночью,
С горем-бедою стоять мне нет мочи.
Помню я смех ваш,
Гули-гулянки,
Песни-веснянки,
Зори-зорянки.

Темная туча с запада встала,
Змеи сползлись, земля застонала,
Дымомдохнули — черной я стала.
Скопищем диким,
С воем и криком,
Красу загубили,
Надежку убили».

Полям потоптаным, темной дубровой
Ходит с винтовкою парень суровый.
«Скоро вернуся
Вместе с друзьями,
Молниями грянем,
Ударим громами,
Выжжем врагов мы железом каленым,
Землю очистим, тучи разгоям.
И, окликая:
«Надя-Надейка!»,
Песней свободной
Польется жалейка».

1911

ЗЕМЛЯКАМ

Расскажу вам, друзья, и далежим и близким,
Про тоску, что гнездо в моем сердце свила.
Вспоминаются мне перелески под Минском,
Где калина над юностью нашей шрела.

На привале досуг коротая недлинный,
Мы услышим в тот час, когда запад погас,
Как в выси пролетает косяк журавлиный,
Он на родину вести уносит от нас.

Крикнуть хочется вслед: журавли, расскажите
Вы родной стороне, что придем мы назад,
Что тропинка нам каждая памятна в жите,
Каждый холм на погосте, где предки лежат!..

Есть одна у меня с малолетства примета:
Дом мой там, где гудит, словно колокол, бор.
Даже зренья утратив, пройду хоть полсвета,
И найду его, как находил до сих пор.

Быть в разлуке мне долго пришлось с ним..
Ну что же!

И теперь мне, как прежде, он дорог и мил.
Слышу — вербы зовут и призывно, пригоже
Луг шумит, где я первый прокос проходил.

Я надежду в душе никогда не утрачу,
Что увижу опять мой родной уголок,

Пруд, в который бросал я венки наудачу,
Речку, где колыхался мой детский челнок.

Боевого поста своего не покину
До тех пор, пока враг не уйдет за предел.
Сын растет у меня, и обязан я сыну
Все сполна передать, чем я прежде владел:

Небо родины, звезд златотканых узоры,
Беспокойные волны широкой Двины,
И поля, и леса, и луга, и озера,
И криницы, где все наши думы видны,

Материнские песни, с которыми рос я,
Тени ветел, что по ветру падают ниц,
И, как струны, звенящие в поле колосья,
В шуме теплых дождей, в переключке зарниц.

Верю я, земляки, завладеем мы снова
Всем, что видится нам, словно сон наяву,—
Клен, что вырос под 'юнами дома родного,
Золотую над нами раскинет листву.

Пусть в разлуке нам тяжко, но мы не
заплачем, —
Нет, мы станем промечь беспощадней врага,
Чтоб, за ним по следам поспешая горячим,
Нам родные увидеть скорей берега.

Перевяжем кровавые раны на теле,
Смоем пыль и усталость росой ледяной
И с друзьями, пока просыхают шинели,
Ради праздника с чаркой пройдемся одной.

Все приложатся к ней — пехотинцы, танкисты
И старик-партизан, смерть встречавший не
раз...
Сказ, родившийся тут же, споют цимбалисты,
Сказ о том, как невзгода покинула нас.

КАК ТОЛЬКО БОЙ ЗАТИХ...

Как только бой затих
И рассвело,
Боец вошел в безлюдное село.
Над пепелищами
Курился дым и чад,
Стучал костями обгорелый сад,
И трубы черные, обожжены,
Торчали над погостами войны.
Сиротка-девочка, упав ничком
На пепел, мать свою звала с отцом.
Боец — бывалый, ко всему привык,
И все ж слеза скатилась на штык.
И на руки сиротку он берет,
Лицо ей вытер и сухарь дает...
В боях броней закалилась грудь,
В боях
Ему лежит на запад путь,
Там дочь его — зовет издалека...
Винтовку крепче стиснула рука.

1942

ТРИ БРАТА

В разлив половодья,
На взгорье, во мраке
Три друга готовы к последней атаке

Единым стремленьем
Объяты три брата,
У всех и оружие одно — автоматы.

И ночью весенней
Во мрак молчаливый
Все трое глядят напряженно, пытливо.

Когда покидали
Отчизну с боями,
Багряные листья кружились, как пламя.

Прошли по метелям,
И вот перед ними —
Земля Беларуси с полями родными

За цепью огня.
Окаймленные бором,
Золут их знакомые с детства просторы.

Оружье сжимают
Три друга, три брата:
«Пробьемся до дома! Пробьемся до хаты!»

1942

ЧУЮ, ВЫШЛА МАТИ

Ты свети, свети нам, зорька золотая,
Озаряй дороги, черные от дыма.
Чую, вышла мати,
Вышла дорогая,
И зовет нас к дому, в край отцов родимый.

Простирает руки к небесам с мольбою:
«Расскажите, ветры,
Как я погибаю!
Бьют ручки певуче, — сердце же глухое,
Зеленеют травы, — я ж от слез слепая.

Что ж ты, моя доля, горькая неволя,
Не даешь мне, старой, отдохнуть и часа.
Соловьи — по рощам,
Жаворонки — в поле,
Только нету горлицы — дочки ясноглазой».

И глядит, не видя, мать в поля пустые,
Неизбывной скорбью лик ее иссушен.
Рыщут днем и ночью,
Рыщут звери злые,
Растоптали песню, загубили душу.

Запремели бури где-то за лесами.
Мати, руки подняв, просит неустанно:

«Грянь, гроза, громами,
Прощуми дождями,
Вырви дочь из плена, смой на теле раны!..»

Не тоскуй, родная, — близок срок отплаты,
Никуда злодеям от могил не скрыться!
Не успели нынче
Мы вернуться в хату,—
Жди, мы каждым часом можем появиться.

Ты прими от сына клятвы верной слово:
Ни одной слезы мы немцам не забудем,
Слышишь, зашумели
Темные дубровы:
«Скоро вместе будем,
Скоро вместе будем!»

1943

РАНА

Я бывал на войне.
А война столь сурова,
Что я думал порой —
Мне уж больше не жить.
Восемь ран залечил,
В строй вернулся я снова,
Только рану одну
Не могу залечить.

Улеглась бы тоска,
Если б смог я напиться
Той водицы живой,
Что пивал я не раз,
Если б я повидал
Тот чебрец с медуницей,
Тот вздыхающий бор,
Что под Минском у нас.

Жажду сердца ничем
Утолить невозможно.
Сердце только одним,
Только думой живет:
Мне б по трупам врагов
Каждый день непременно
Вслед за солнцем пройти
Хоть на шаг, но вперед.

1943

ВСТРЕЧА

Все мне дорого тут, все зову я пригожим,
Бесконечно родным,
Все я в сердце сберег,—
Небеса, и поля, и туманы над Сожем,
И пожары берез вдоль осенних дорог.

Я иду, я спешу к вам, разбитые хаты,
К вам, разрытые нивы,
Луга-берега...
Твердым шагом иду, как шагают солдаты,
К вам вернусь, хоть дорога моя не легка.

Я всегда и везде был с любимыми -- с вами,
Вас не мог позабыть,
Помнил днем и в ночи.
Закрывал я глаза — Неман был пред глазами,
Под Ушачей звенели ручки и ключи.

И дорогой весенней я шел в эти дали,
Верил — к цели дойду
И увижу свой дом...
Тучи-слезы с Днепра подымались, вставали,
Осыпали меня сединой-серебром.

Вы опять предо мной: близок час вызволения.
Что вы скажете мне?

Что мне вам рассказать?

Поглядите, в сердце пронес сквозь сраженья,
На огне его можно мечи закалять.

Поглядите в глаза мне — в них скорбь, словно
пламя.

Мне не надо рассказов

Про муки и гнет.

Я и сам ваше горе несу за плечами.

Пехотинец любой меньше груза несет

За неправду и боль призову я к ответу

Всех врагов-палачей.

В сердце мщенье одно.

За себя и за вас отомщу и за эту

Обгоревшую ветку, что рвется в окно.

Все дубровы-леса на крутом косогоре.

Все дороги-пути —

Все мне дорого тут.

Буг зовет нас вперед. Всепобедные зори.

Зори нашей победы над нами встают.

1943

БЕЛАРУСЬ

Мой родны кут,
Як ты мне міль!

Якуб Колас

1

Земля беларусская! Роши да хаты,
Поля золотые, не травы — шелка.
Что гроздь рябины — багрянец заката,
Что крик журавлиный — ручьев перекаты,
И легкие над большаком облака.

Земля беларусская! Синью озерной
Глядишь ты в прозрачные дали небес.
И сыплются звезды, как спелые зерна,
В воде исчезают на пажити черной,
В росистой траве рассыпая свой блеск.

Былины былого, святые преданья
Плывут, как под солнцем весенним челны,
Вдоль склонов зеленых, по шире бескрайной,
От Немана к Сожу, от Буга до Гайны,
По глади Днепра, по раздолью Двины.

Отцов наших слава на их побережьях.
Ту славу полесская чаща хранит,
О ней повторяют и Полоцка вежи,
И Турова стены, и шум Беловежья,
И стольного Минска суровый гранит.

Земля белорусская! Пламенем рдяным
 Тебя опалило в горниле войны.
 Но, не отступая в бою неустанным,
 Вершат приговор над врагом окаленным
 Твои, закаленные в битвах, сыны.

Их много, как много дубов на Полесьи, —
 И статны, и рослы, и крепки в плечах.
 Их много, как сосен в густом краснолесьи,
 Как звезд золотых в голубом поднебесьи,
 Как трав на широких, привольных лугах.

На дело святое свободы и чести
 Выходят бойцы — за отрядом отряд —
 И зовы о мести, о яростной мести,
 И в Минске, и в Гродне, и в Пинске, и в
 Бресте —
 По всей Белоруссии нынче звучат.

«Смерть немцу проклятому!» — снова и снова
 Призывы несутся, их не заглушить.
 Как ветру не сдвинуть утеса крутого,
 Как зною не высушить лона речного,
 Так силы народной врагу не смирить.

Отцы наши били захватчиков прусских,
 Не дали в оковы себя заковать —
 Под Грюнвальдом били, на озере Чудском,
 Там, вместе с украинским братом и русским,
 Громила врага белорусская рать.

Под стены Смоленска, к полтавскому полю
Они приходили, сражаясь с врагом,
Делили казацкую трудную долю
И верили твердо: крепка наша воля,
Ведь правдой от века стоит отчий дом!

Любую послушай сосну ли, березку.
Они шелестят нам, как давней порой
Ходил тут Вашчила, Фесько, Калиновский,
Водили отряды, сражались геройски,
И слава их солнцем горит над землей.

Нет, враг не сломил нас в те грозные годы.
Лесная чащоба — наш крепкий оплот!
Нам прудь освежали родимые воды,
Нам путь озаряли родимые звезды,
Зарницы сверкали над топью болот.

4

В старинные годы сохи да лучины
О городе Полоцке слава прошла.
Там славный печатник, Георгий Скорина,
Прославил себя величавым почином,
И пышно наука его процвела.

И сколько людей к его светлой кринице
Брело, чтобы новое слово познать,
Чтоб мудрости книжной его научиться...
Да, сыном подобным по праву гордиться
Ты можешь, великая родина-мать!

На долах твоих, точно клады живые,
Окутаны дымкой таинственной мглы,
Стоят городенские башни седые,

Дома Новогрудка, гробницы Софии
И замков Заславля крутые валы.

Зарнишы о славе народа вещают,
И, лучшие думы его затаив,
Бежит, не иссякнет струя ключевая,
И радуга в небе восходит, свёркая,
Как символ, что путь его — чист и правдив

5

В борьбе многопрудной, суровой, упорной
С Россией, с Украиной мы шли заодно.
Растет наша речь от единого корня,
Как говор Двины, как днепровские горы,—
И наше единство в веках рождено.

Мы вместе оружие несли боевое,
Мы кровью скрепили великий союз,—
Когда надвигалась гроза над Москвою
И гром грохотал над Чернечьей горою,
И ты откликнулась, моя Беларусь!

Ты кровная им и судьбою, и родом,
И озарены вы единой зарей.
Ни немцам-баронам, ни шляхтичам гордым
Не различить наших братских народов,
Всегда ты с Россией, со старшей сестрой.

Повсюду ты с нею, пути ваши рядом,
Будь ясное утро, будь полночи мрак.
Под солнцем-веселым, под стужей, под градом
И радость победы, и горечь утраты
Вы делите вместе, ровняя свой шаг.

Земля белорусская! Встретясь с врагами,
 Не каждого ты отпущкала домой:
 На древней Немиге их стлали снопами
 В капусту крошил их твой Витебск мечами,
 А Полоцк поил их кляпящей смолой.

Вот бледная тень Бонапартга влачится,
 И черный венец над челом мертвеца:
 «Не знал я, что здесь моя гибель таится...
 Нет! Неодолимы России границы,
 Победы не жди здесь, а жди лишь конца...»

И, грозно играя седыми валами,
 Бушует и пенится Березина:
 «Я трупы врагов укачала волнами,
 Немало их на берегу меж камнями,
 Немало моя унесла быстрина!»

И шепчет камыш стародавние были
 О мести народной в тот памятный год,—
 Как роты французские вспять уходили,
 Как их добивал, подымая на вилы,
 Как в толь загонял белорусский народ.

Земля белорусская! Не было горше,
 Чем немцы, и злей, и коварней врагов.
 Но орды Вильгельма отхлынули тоже
 От стен Могилева, от Полоцка, Орши
 Под натиском красногвардейских штыков.

Заря Октябрь под страною зардела,
 Народ поднялся многошумной волной.

По селам и весям повстанье гудело,
И стая тюремщиков не одолела
Огня, пламенеющего над страной.

И ты, торжествуя над кровью и болью,
Ты правды искала, святая и смела:
Как ливень весенний, омыла ты поле,
Как дуб меднолистый, взошла на раздольи
И рабские путы навеки сняла.

Да будет священен для всех поколений
Тот трижды прекрасный и радостный год!
Навек незабвенно твое пробужденье.
Когда поднялась ты в чудесном цветеньи,
Раскинув крыла, устремилась в полет.

Народ белорусский, к тебе чередою
Идут небывалые, вольные дни!
Лицо ключевую омывши водою,
Утершись восточной червонной зарею,
В грядущее смело и твердо взгляни!

Расправивши плечи, могучный, высокий,
Ты встал, озирая родные края,
Как бор вековой над равниной широкой,
Как дуб молодой над рекою глубокой,
Веселой улыбки своей не тая.

Собратья по доле тебя расковали,
И все прояснилось, что было во мгле.
Как вешние воды, что вдруг заиграли,
Как буйные ветры, летящие в дали,
Свободным ты стал на свободной земле.

Как брызги ручья из-под свода крутого,
Как рокоты синих бескрайних озер,
Как гомон весенней зеленой дубровы,
Твое зазеленело свободное слово,
Взлетая хвалою в подзвездный простор.

9

Два солнца нам светят, им вечная слава —
Означили Ленин и Сталин твой путь.
Впервые тебя утвердив как державу
И равной меж равных назвавши по праву,
Оказали: «Отныне — свободною будь!»

И в белой рубашке, льняной, домотканной,
И в поясе случком с узорной каймой
Ты шла, как на праздник, пригожа, румяна,
И прочь отметаая былого туманы,
Ты рядом с великою стала сестрой.

Ты сердцем горячим своим ощущала,
Как перед тобой раскрывается ширь...
И вешние ветры, и волны-цимбалы
Звенели, что новое время настало,
И шумом отвечивал лес-богатырь.

Навеки развеялась кривда былая...
В советских республик великий Союз,
Ты в братство народов вошла, как родная,
И горы Кавказа, и степь вековая
С любовью признали тебя, Беларусь!

10

Тебя, Беларусь, увидел я очастливой,
Я видел, как ты расцветала, воляна,
И лиричка плач о судьбе сиротливой,

И нищенский голос, глухой и тоскливый,
Навек избывала моя сторона.

А как оживился простор твой богатый,
Как радугой в небе весна расцвела,
Как плечи расправил родимый оратай,
Когда, вместе с курной постылою хатой,
Мякина ушла и лучина ушла!

Заохали пилы в чащобе дремучей,
И плуги вонзились в глубины земли,
Со строек смолой потянуло пахучей.
И рожь зашумела стеною могучей,
И песни твои, как ручьи, потекли.

И в сердце мое, неизбежно и кровно,
Вошло твое поле, твой луг заливной,
И дом твой, для гостя открытый любовно,
И анта голос над сельскою кровлей,
И грозный, торжественный говор лесной.

11

О, как умножалась ты, сила народа!
Так реки вбирает морская волна.
По сталинско́й воле в строительства годы
Запели станки, загудели заводы,
Задвигалась, заговорила страна.

Турбины могучие стали повсюду,
И, мрак вековой победив навсегда,
Огнями Оросы — болотного чуда,
И шумом, и блеском, и пеньем, и гудом
Наполнились сразу твои города.

Она продолжалась, великая стройка, —
Уже, вековечный прорезавши бор,

Гудки Гомсельмаша, гудки Белостока
Летели, ликуя, далеко-далеко,
С окраиной Минска вели разговор.

Мы с жизнью дружили прекрасной и новой,
И в поле звучала не прежняя грусть,—
Твоих тракторов величавое слово...
Не в рваных лаптях и не в свитке суровой,
А в светлых одеждах жила Беларусь!

12

А осень — что год, то была у нас краше!
В клетки сундуков прибывало горой,
В амбарах, на погребе — полная чаша...
А слущие груши, а яблоки наши,
Черешни и вишни похвалит любой!

Посеяв умно, собирали мы густо,
И труд наш колхозный бывал награжден:
У нас по ведру вырастала капуста,
Картофель — отборного веса и вкуса
И в добрую сажень — отменнейший лен.

А ягод-то, ягод — черники, малины,
Багряная клюква до самой зимы;
А сколько в лесах добывалось дичины,
А сколько гусей залетало в низины,
Стадами в реке бушевали сомы!

Нас щедро земля одаряла родная
И хлебом насущным, и прочим добром.
Мы слышали: недра гудят, набухая,
Казалось, и самые звезды, мерцая,
Растут на орешнике нашем густом.

Земля белорусская! Наша забота
 И каждая думка — с тобою была.
 Мы край пробуждали от вечной дремоты,
 Каналами мы рассекали болота,
 И с ними — туманная таяла мгла.

Трудился народ на земле непрестанно,
 И там, где лишь мох да валежник вокруг,
 Где стлыли трясины, клубились туманы,
 Где предков морочили злые дурманы, —
 Победно прошел торжествующий плуг.

Мы дружной работой беду избывали,
 И устали наша не знала рука...
 Глухие полесские сонные дали,
 Как стрелы, пробили насквозь магистрали,
 И села вставали вокруг большака.

Был день — словно праздник и труд — словно
 песня...

Припомнишь, и сам не поверишь порой,
 Как вы поднимались, просторы Полесья,
 Все в нивах широких, что в сказке чудесной,
 Наполнены радостной, буйной игрой.

Земля белорусская! Знойное лето
 Твое никогда позабыть не смогу.
 О как хороша ты, лучами согрета,
 Ромашками и медуницей одета,
 Кострами в купальскую ночь на лугу

На вишнях и яблонях солнце играет.
 Смородины пышные рдеют кусты,

Как бархат, мерцает трава наливная,
Как море, колышется рожь золотая,
И запахи клевера ввысь разлиты.

Стоят при дороге березы да ивы,
Вином расплескалась небесная гладь,
Играют листвою ветерка переливы,
Раскинулась наша колхозная нива,
Куда ни помотришь — межи не видать!

И где я ни буду — везде будет сниться,
Как в поле выходят с зарей косари,
Как луг росяной перед ними искрится,
Как песню заводят веселые жницы,
Заплетшие в косы румянец вари.

• 15

А как было славно, под говор дубровы,
Погожею летней порой отдохнуть!
Озера под Лепелем, сень Августова
Дарили нам воздух смолистый, сосновый,
И силой, и радостью наполнилась грудь.

Как славно, поднявшись на зорьке румяной,
Почувствовав прикосновение тепла,
Вдохнуть полной грудью твой воздух
медвяный,
Как славно, усевшись в челнок деревянный,
Поплыть под размерные взмахи весла.

А с берега головы клонят купава,
А в поле цветов полыхают костры,
А ветер колышет душистые травы,
А солнце тебя пригревает наславу,
А птицы в лесу — ну, совсем гусяры!

А как ты чудесен, закат над Двиною,
Осенней порою и в солнечный май!
Любой, кто хоть раз повстречался с тобою,
Повсюду признает с открытой душой:
Прекрасен озерный родимый мой край!

16

Земля белорусская! Каждый твой голос
И каждую травку под небом твоим -
Воспели любовно Купала и Колас,
На каждой тропинке — их песня и голос,
С твоєю печалью и счастьем простым.

Под крики кукушки, под шорохи сосен
Сложил Богданович свой яркий венок,
Слыхали озера, леса и покосы
Бядулю и Тетку, и слезы, что росы,
Рассыпал по краю Матвей Бурачок.

А как расцвело наше слово огнисто
Под сталинским солнцем, в погожие дни!
Мы счета не знали стихам голосистым,
Рождались певцы, музыканты, артисты,
О счастье народа нам пели они.

Земля белорусская! Песней-веснянкой
Несешься ты с ветром по струнам ветвей.
Ты — песня, звучащая нам спозаранку
Над каждым пригорком, на каждой полянке,
Ты — наша поэма из слов-янтарей!

17

Мне все вспоминаются, снова и снова,
Над тихую Свислочью стены домов,

Просторные улицы Минска родного
Столица! Ты нашего роста ослона,
Ты — гордая слава могучих отцов.

Столица! Твоя непоклонны знамена!
Не раз ты злилась и горе, и грусть:
Тут сабли ломали французы, тевтоны,
И шведы, и ляхи. Врагов неуловимо
Гнала ты, скликая на бой Беларусь.

Столица! Тебя вся страна создавали
В советские годы, народной рукой.
Ты, словно на крыльях, под небо взлетала,
Двород за дворцом и шваргал са шваргалом, —
Тебя и в мечтах я не видел такой!

Лазурное небо над городом-садом,
Обруины в гуде фабричных гудков.
И бронзовый Ленин заботливым взглядом
Встречал нашу мощь, нашу буйную радость
И звал нас вперед, на просторы веков!

15

Тот день мы прославили, благословенный,
Когда, наши раны навек заживив,
Из края, где Буг протекает и Неман,
Сошлись наши братья на мир вождевленный.
Проклятые цепи навеки разбив.

Одна у нас мать и одна у нас хата, —
Так кто ж разделить нас задумал — посмел,
Чтоб, силой отторгнувши брата от брата,
Похитить у них все, чем сердце богато,
Лишь горькие слезы оставив в удел?

16

И землю похитив, и слово родное,
Тюремники наши забыли одно:
Как вольную Припять не делят надвое,
Как ветра степного не стиснуть стеною,
Так вольный народ полонить не дано!

И встретились братья, и, звонкоголосы.
Приветные речи в простор потекли...
Заветное наше желанье сбылося,
И в красках рябины веселая осень
Прошла по полям белорусской земли.

19

Так проклято будь и теперь, и вовеки,
Отродье Германии, злое зверье!
Вы, облик утратившие человека,
Вы, крови людской расплескавшие реки,
Отечество вы истерзали мое!

Как сердцу мучительно это и больно!
О, нет, никогда не забуду, клянусь,
Как поле под тучей застыло безмолвно,
Как реки катили свинцовые волны,
Когда оккупанты вошли в Беларусь.

Как рушился труд поколений, столетий,
Как мертвая тьма на столицу легла,
И улицы никли под лапами смерти,
И гибли в развалинах малые дети,
И солнце закрыла угарная мгла.

Как банды убийц, негодяи и гнусы
По нашей земле разносили пожар...
Но не покорился народ Беларуси,

Не стал на колени, не пал, не согнулся,—
Ударом ответил на вражий удар.

20

Земля белорусская! Множатся раны,
Но пламенем гнев твой восходит в зенит.
Лесною чащобой идут партизаны,
Врага поражают они неустанно.
Не реки звенят — то оружие звенит.

Ты не покорилась пред силою дикой,
Ты встала с пылающей местью в глазах.
Сосновая ветка — становится ликой,
Не ветер бушует, а мщениа клики:
Смерть пляшет на вражеских черных костях.

До самого неба взметнулись пожары,
Приходит отмщенье за злые дела.
Врага настигает суровая кара,
Гремят Налибоки, волнуется Нарочь,
На берег из плена выходит Сула.

Земля белорусская, в грозные годы
Тебя защищает народная рать.
Кто жил твоим хлебом, кто пил твою воду,
Кого приютила ты в час непогоды,
Готов умереть, чтоб тебя отстоять!

21

Бор шумный, бор грозный, вешун наш зеленый,
Кивая листвою, вспомяни в эти дни,
Как с немцами бился ютвальный Заслонов,
Громил оккупантов, взрывал эшелоны...
И прому, и молниям был он сродни.

Бор шумный. Бор грозный. толкая с ветрами.
Еще расскажи им, под шорох ветвей,
Как Миша Сельничкин хохлил тут с дуузями,
Как, землю сырую обнявши руками,
Звездой он взюшел над отчиной своей.

Бор шумный. Бор грозный с заботой отцовской
Следишь ты, могуч, и силен, и высок.
Как не друга косит наш коабный Публовский.
Как губят злодеев всей силой бойцовой
Павловский, Козлов, Бумажков, Лобанок.

Бор шумный. Бор грозный. чащоба полная.
У встречных спроси ты — ответит любой.
И старый, и малый ответит — я знаю —
Одно только слово: страну вызволяя.
Готовы мы все на решительный бой!

22

Земля белорусская! Рвут знамена.
И час избавленья подходит к тебе.
Гремят батареи, летят эскадроны,
И землю свою от лихого полна
Твои сыновья вызволяют в борьбе.

На залпы орудий, а радуг узоры
Под небом декабрьским ~~мостовым~~ цветут.
О, как озаряют кремлевские зори
Твои города, и поля, и озера.
Как радостно слышать победный салют!

Воагов отплевает шурга, налетая;
Им некуда деться от наших штыков.
Полки с Украины, Сибири, Алтая
Идут, наступают — лавина литая —
И не остановишь гвардейских полков!

А к ним партизаны идут боевые,
По всей Белоруссии будет светло.
Пусть залиты кровью поляны родные,
Ты сильною встанешь, как в годы былые.
Венком из ромашек украсишь чело.

23

Земля белорусская! Вновь над полями
Мы рельсы проложим, воздвигнем мосты,
Все рвы заровняем, запашем плугами,
Селенья обсадим густыми садами.
На деревце каждом расправим листы.

Сойдемся мы в доме просторном, сосновом,
Посадим березку под самым окном,
Сироток-детушек оденем в обновы,
И старую мать мы обнимем без слова,
И сядем за праздничным нашим столом.

Пройдем мы по улицам Минска-столицы,
Руины гирляндой огней озаря,
И снова, как прежде, начнем мы трудиться,
И вновь, освещая счастливые лица,
Рассвет заиграет огнем янтаря.

Работой поднимем за городом город,
Зеленой травой устелем поля,
И вспыхнут над бором багряные зори,
И вновь запоют нам ручьи и озера,
И снова родная проснется земля.

24

Земля белорусская! Знаем, немало
Легло твоих честных и смелых сынов.
Но верим: врага мы сметем, как бывало,—

Ведь всех нас единою волей спаяла
Могучая партия большевиков.

Она непреклонными быть нас учила
И не устрапаться ни бурь, ни невзгод.
В дни вражьего штурма давала нам силу,
И в темные ночи звездою светила,
И нас окрылила в великий полет.

Растя нас заботливо и непрестанно,
Нам ясный дала она, вечный наказ;
Как капли, стекаясь, растут океаном,
Так мы сплочены в ней, под стягом багряным,—
Нет силы такой, чтоб осилила нас!

И, славные наши знамена вздымая,
Пути фронтовые в боях проторя,
Великих народов семья трудовая,
Идем мы, вперед неуклобно шагая,
И светит над нами победы заря!

25

Земля белорусская! Матерь героев!
Окрепла в сраженьях народная мошь.
Врага победишь ты — ведь всюду с тобою
И пламенным взором, и светлой душою
Наш мудрый наставник, великий наш вождь!

Едва над просторами юрая родного
Надвинулись черные тени войны,—
По зову вождя, к испытаньям готова,
Ты встала и, вражьи срывая оковы,
Живешь партизанкой Советской Страны!

Земля белорусская! Пущей, полями,
Лугами твоими — отец наш идет.
Сивозь грозные бури, сивозь снежную заметь
Идет он на запад с твоими сынами,
Туда, где его человечество ждет.

Идет он, и солнце идет с ним, сверкая,
Из города в город, к селу от села.
По всей Беларуси, от края до края.
От чистого сердца народ возглашает:
«Великому Сталину — наша хвала!»

ЯСНЫЙ КУТ

Поэма

Я пришел и в отцовском краю
Возле клена в раздумьи стою,—
Этот клен на опушке лесной
Сам я выкопал перед войной,
На руках, как ребенка, принес
В свой колхоз,
У крыльца посадил, чтоб он рос,
Охраняя усадьбу мою,
Охраняя мой сон и мой дом.
Он широким узорным листом
Тяжкий бред от меня отгонял,
Когда я в лазарете лежал,
Раны мне залечить дал он сил
И в родные места поманил,
Сделал легче дорогу мою.
Перед ним я в раздумьи стою,
Горьким ветром войны опален.
За три года он вырос, мой клен.
Только в звонком раздолыи долины
Я, бывало, ходил не один.
Этот клен принести мне помог
Тот, кого я, как сон мой, берег,
С кем любой был мне путь недалек —
Сын мой,
Сын Василев!

Вновь весна,
Вновь светло.
Небо синее, словно стекло.
А под горкой в овраге сыром
Бьют криницы живым серебром,
Но туман застилает глаза,
Жжет непрошенная слеза.
Я не вижу зеленых берез,
Тех, с которыми вместе я рос.
Меж обугленных черных деревьев
Я стою молчалив и суров,
Пылью дальних дорог пропылен.
Ты один сохранился, мой клен!

Плачет в уши мне ветер навзрыд,
Дом отцовский разрыт и разбит.
Позову — не откликнется мать,
Где и как мне ее разыскать?
Я вернулся, стою одиноч.
Где ты, сын мой,
Сынок Василек?

Вновь, как будто приснилось во сне,
Детство раннее вспомнилось мне.
Августовской поры тишина.
В поле песенка жницы слышна.
Голос матери я узнаю...
Колыбельку оставив свою,
Первый раз я иду по жнивью.
Так я начал свой путь, а теперь
Все дороги попробуй, измерь...
Я гляжу на дорожный песок.
Сын мой,
Сын Василек!

Нет ни сына,
Ни матери нет.
Горе испином посыпало след.
Где ж ты, сып мой,
Цветок мой лесной,
Мне на счастье расцветший весной?
Я не мог на тебя взглянуться...
Так и мать берегла мое детство,
От ветров, от дождей охраняла
И, закутав, у сердца держала,
Ночью глаз надо мной не смыкала,
Колыбельные песни пела.
Обогрела меня тихим слезом,
Напоила своим молоком
И в дорогу мис, вместо весла,
Свое слово и песню дала,
Чтоб, как путь мой ни будет далок,
Равыскал я се уголок...
Сып мой,
Сып Василек!..

Без руки я вернулся с бойны,
Ночь несет мне тревожные сны,
Пенелище окутал туман...
Нет высь... Горе мое — горше ран:
Как же я торопился сюда!
Видел в пламени я города,
Шел полями в дыму и в крови.
Но земля мне шептала: «Живи,
Видишь, к дому дорога твоя.
Ты вернешься в родные края!..»
И достигнул родных берегов
Я, шагая по трупам врагов,
В их недобрых глазах
Видел я только страх.
Но, зловещие тени голя,

В путь заря поднимала меня!
Вот опять на распутьи дорог
С горьким горем на землю я лег.

Ветер мечется полем родным.
Как пустынно под небом моим!
То не звезды лепрят небосвод —
Слезы жгучие вдов и сирот,
Капли крови убитых друзей
Светят в небе отчизны моей
А кругом расстилается дым,
И молчу я, тревогой томим!
Поднимаю взволнованный взгляд —
Обгорелые трубы стоят,
Озирают пустынный простор,
Как живые, ведут разговор.
Холодок пробежал по спине:
Что такое почудилось мне?
Не дыша, я смотрю изпод век:
Человек?
Так и есть — человек
И к тому же — как будто живой...
Он привстал и кивнул головой,
Словно пепел пожаращ — седой.
Он стоит с нашей красной звездой...
Я немедля навстречу встаю,
Своего земляка узнаю.
«Дед Лукаш, дед Лукаш,
Я вернулся... Подпасок я ваш...»
Он вздохнул и ответил мне так:
«Мы с тобой одиноки, земляк...
Но встряхнись, оглянись без тоски,
У тебя нехватает руки,
Так прибавь две моих —
Будет три на двоих....»

Мы вернулись домой, и теперь
Встанет кровля над нами, повери!
Всколосятся хлеба на буграх,
Где недавно хозяйничал враг...
Из засады лишь сутки назад
Вышел наш партизанский отряд.
Выйдя, слился с гвардейским полком.
Я оставил их там, за Днепром!
Путь их дальше на запад лежит,
Путь расплаты за горечь обид.
Посмотри,
Будто пусто кругом,
Скромна встреча с родимым селом.
Бродят тихие тени людей
И убоги костры у семей,
Средь руин и среди немоты
По землянкам живут, что кроты.
Наше солнце победно взошло,
Вместе с ними отстроим село
И под шумными вепьшками гроз
Здесь налаживать будем колхоз,
Чтоб, как прежде, он снова расцвел...

И повел дед меня, и повел
Между черных обугленных трупов.
На признанья суровые скуп...
Как свежа еще боль наших ран...
Мы стоим, перед нами курган.
Он высокий, как наша беда,
Он глубокий, как в море вода...
Вместе с ним прорастет сквозь века
Наше горе и наша тоска.
Сколько нас вспомнит близких своих
У курганов таких!
Я молчу.

А Лукаш говорит:
«Каждый горем по горло тут сыт..
Уж два года прошло с той поры,
Как разрушены наши дворы.
Взял курган половину села,
А другая в неволю пошла
И томится в немецком плену.
Где найду я, когда их верну?
Я не видел проклятого дня,
Лес от врага спрятал меня...»
Я вздыхаю в ответ Лукашу:
«Чем печаль я свою погашу!»
И, не чувствуя боли от ран,
Я гляжу на курган
Сквозь туман,
Сквозь туман,
Что меня обволок:
Сын мой,
Сын Василек!
Где ты спишь,
Где постелька твоя?
Я вернулся в родные края,
Вновь увижу ль тебя наяву?..
Сели мы с Лукашом на траву,
И, к цветку подбирая цветок,
В память близких сплели мы венок.
И под шелест весенних полей
Положили его на курган,
Чтоб сквозь землю цветы проросли,
Так же, как наши думы прошли,
Чтоб, как сон на заре, не поблек,
Сын мой,
Сын Василек...

Только солнце не знает тоски,
Все пути ему в себе близки,
И, над нами поднявшись в зенит,
Золотыми лучами звенит.
А вокруг распахнулись дуга,
Зацвели молочай и жуга —
«Жить!» — шумит их зеленый простор,
«Жить!» — как эхо, отвечает бор.
Смотрим, —
Женщины вышли,
Бревна режут пилой,
На лугу паренек размахался косой,
А в саду среди кустов
Головою поник
За работой старик.
Вдруг в тиши застучал пулемет...
И откуда он здесь? Кто поймет?
Фронт на запад далече ушел,
Много верст до него, много сел.
Мы, вздохнув, оглянулись вокруг,
И пахнуло тепло на нас вдруг:
На вязу над большим колесом
Ладит аист нехитрый свой дом.
У него озабоченный вид,
На высокой ноге он стоит,
Непокорный суровой судьбе,
Новый дом он построил себе.
Мы на аиста с тонкой ногой
Поглядели один и другой
И вдвоем по тропинке одной
Зашагали на берег речной.

Там, над самой рекой,
Дуб стоял вековой.
Сто годов рос тот дуб,

Был нам дорог и люб,
И со всех перепутий дорог .
Путник видеть всегда его мог.
Хотел зеленый, где в землю он врос,
Обсадили кореньями роз.
Из села
Подошли стар и млад,
Каждый нашему замыслу рад.
Прикрепили доску. Я на ней
Напись вывел рукою своей.
Дуб ни гроз не боится, ни стуж.
Будет крепощ, как дуб этот тут,
Наш колхоз «Ясный Кут»,
Триста душ!

Мы границы владений своих обошли,
Здесь нам жить,
Здесь целебны нам соки земли!
А за речкой
Закат догорал,
Этот день показался нам мал.
Но мы верили в завтрашний день,
В солнце наших полей, деревень.
Вдруг из леса в вечернем молчаньи
Донеслось до нас конское ржанье.
Подбежали и видим: понурый
Пегий мерин с немецкою фурой.
Заплутался, стоит среди елок,
А солдата прикончил осколок.
И, шутя, подмигнул мне Лукаш:
«Конь трофейный
И, стало быть, наш.
Он как раз нам попался подстать,
Надо поле пахать начинать...»
И наутро своим чередом

Мы за плутом беседу ведем,
У весенней зари на виду
Пролагаем свою борозду.

Ожил край наш в отметинах гроз.
Дал семян нам соседний колхоз.
Горяча и волнуя нам кровь,
Здесь колосья зашепчутся вновь.
Как бывало, ячмень и овес
Будут радовать нас до слез.
Разбежится, как быстрая речка,
Наша белая-белая гречка.
Захмелев от густой тишины,
Будут спать на грядках жючаны.
Нет, Лукаш,
Мы с тобой не одни,
Нам любая былинка сродни.
Видят труд наш, что думы увлек,
Мать моя и мой сын Василек.
О, как дорог им наш уголок!

Мы работали так с Лукашом,
Словно черпали брагу ковшом.
Строить дом нам приспела пора,—
Отточив лезвие топора,
День за днем, с Лукашом заодно,
Мы к бревну пригоняли бревно,
Закрепляли венец за венцом,
Чтобы дом наш был светел лицом.
Вот прорублены окна,
И вот
Дом все выше и выше растет
И встает даконец, как живой.
С запрокинутой вверх головой.

Уж июль в душном запахе трав
К нам пришел из зеленых дубрав,
И прошел той порой наш солдат
Далеко.

Уползал немец-кат.

Смокнул пушечный грохот вдаль...

Лето щедро дарами земли.

На крылечке, у входа в свой дом,

Мы сидим, разговоры ведем —

Я, пришедший сюда после ран,

И старик-партизан.

А над нами дремучая высь.

Месяц, словно подкова, повис,

Прикрепленный к зеленой сосне,

Сам зеленым он кажется мне.

Ждешь — кукушка взлетит и начнет

Нам за годом отсчитывать год.

Много лет насчитает она...

А кругом никого. Тишина.

Что ж за звездочка в небе плывет?

Кто же к нам из-за речки идет,

Лучше тени, бледней полотна,

Волоса, как тот пепел, как дым?..

Мы встаем с Лукашом и Илядим.

По спине пробирает мороз,

На губах засыхает вопрос.

Только сердце колотится громко:

Это ж наша знакомка,

Это ж дочь кузнеца,

Это Женя.

Ночь светлей от ее приближенья,

От лучистых зрачков ее глаз.

Ответячком ее звали у нас...

Мы сказали:
«Ты впору пришла,
Видишь, липа уже зацвела...»
Та в ответ нам,
А слезы меж слов,
Словно капли дождя меж листов:
«На войне,
На чужой стороне
Снились сны беспокойные мне.
От родных моих нет и следов.
Разлучили нас плети врагов.
Бедовала, тоски не тая,
Вместе с русскими (сестрами я.
Если б слез наших речка всплыла,
Я по ней бы приплыть к вам могла.
Если б собран был девичий стоп,
Оглушил бы Германию он.
Мы проплакали наши глаза,
Затуманилась в них бирюза...
Где ни ступишь — везде наша кровь...»

И в тревоге взываю я вновь:
Сын мой,
Сын Василек!
Ты в печаль мою душу облек.
Путь, который прошел ты в слезах,
Я увидел у Жени в глазах.
Но она теперь в отчем краю,
Мы ее, словно дочку свою,
Взяли под руки и повели
По просторам любимой земли.
На лугах, в ючных травах густых,
Мы собрали цветов золотых.
А потом
Возвратился в свой дом,

На окне их поставили в ряд.
Пусть они огоньками горят.
Чтобы издали были видны
Всем идущим дорогой войны,
Возвещали и днем и в ночи —
Где от нашего счастья ключи..
Сколько б ни было в мире дорог —
Все ведут нас на отчий порог.
На крыльцо мы выходим втроем.
Бьют криницы, как струны звеня.
Как забыть мне о горе моем?
Где ты, мать моя? Слышишь меня?
Испытанья кончается срок,
Сын мой,
Сын Василек!
Возвращайтесь в родной уголок!
Лег на сердце, пронзил мою грудь
Ваш суровый, страдальческий путь.
Возвращайтесь на родину, тут
Каждый кустик дает нам приют,
Тропы-стежки легки,
Ветры нам земляжки,
Здесь по-нашему птицы поют.
Спелый, колос в лицо нам глядит,
Шмель, кружась над цветами, гудит,
Пахнет медом полуденный зной,
Бык ревет на опушке лесной,
А трава на опушке густа,
Все равно как вином палита.
И быка торжествующий рев
Собирает на праздник коров.
На соседний колхоз мы глядим.
Там из труб подымается дым.
Сколько новых построено хат,
Сколько в них молодух и девиц!

Что ж, и наши вернутся в свой час.
Будет много девчат и у нас.
Я твой слышу
Родной голосок,
Сын мой,
Сын Василек!
Наши братья-солдаты придут,
Что в ворота Германии бьют.
Пусть победа венчает их труд.
Солнцем славы на древках знамен
Будет путь их домой озарен.
Из неволи на вольный простор
Возвратят они жен и сестер.

Светел край возрожденный ты наш.
Мы стоим —
Женя, я и Лукаш,
Из чужого далекого края
Вас, кто дороги нам, ожидаем.
Пусть дороги у вас не легки. —
Наши сосны для вас маяки,
Вас на окнах зовут огоньки.

СОДЕРЖАНИЕ

Кастусь Калыновский, Перев. Н. Рыленков	3
Могила бойца, Перев. Дм. Осин	7
Минск, Перев. Анатолий Кудрейко	10
Надя-Надейка, Перев. Дм. Осин	13
Землякам, Перев. Н. Рыленков	15
Как только бой затих... Перев. Мих. Зенке- вич	17
Три брата, Перев. Мих. Зенкевич	18
Чую, вышла мама, Перев. И. Семинин	19
Рана, Перев. Н. Ушаков	21
Встреча, Перев. Н. Ушаков	22
Беларусь, Перев. Б. Турганов	24
Ясный Кут, Перев. Н. Рыленков	43

Цена 3 руб. 75 коп.
в переплете 5 руб.